

0- 777778

На правах рукописи

Дружинина Вера Ивановна

**«СМЯТЕННЫЙ» ЧЕЛОВЕК В ПРОЗЕ Л. БОРОДИНА
(К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА)**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2009

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века в ГОУ ВПО
«Воронежский государственный университет».

Научный руководитель: старший научный сотрудник,
кандидат филологических наук,
доцент
Бердникова Ольга Анатольевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Борисова Наталья Валерьевна

кандидат филологических наук,
доцент
Пухова Татьяна Фёдоровна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Липецкий
государственный педагогический
университет»

Защита состоится «29» апреля 2009 года в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.038.14 в Воронежском государственном
университете по адресу: 394000, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки
Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан «26» марта 2009 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547905

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

О.А. Бердникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современной литературе имя Леонида Бородина неразрывно связано с понятием «третья правда», с которым отечественные читатели познакомились в 1990 году после публикации повести «Третья правда». С этого времени, на протяжении почти двадцати лет, Л. Бородин активно участвует в литературном процессе рубежа XX и XXI веков как прозаик, критик, публицист, редактор литературно-художественного журнала.

Л. Бородин прошел сложный путь человека, гражданина, писателя, был членом подпольной организации ВСХСОН (Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа), за участие в работе которой был арестован и с 1967 по 1973 год находился в заключении. Второй арест явился результатом публикации за рубежом первой книги писателя – «Повести странного времени» (1978). С 1982 по 1987 год Леонид Иванович Бородин провел в заключении. Вернувшись во время перестройки, Леонид Бородин активно занимается литературной деятельностью и печатается в журналах «Слово», «Наш современник», «Москва», «Юность», «Сибирь» и других. Опыт человека с чёткой жизненной позицией, бескомпромиссность и, наконец, способность интригующе интересно изложить свои мысли в оригинальной литературной форме, выделяют его среди многих современных авторов.

Писатель Л. Бородин осуществил свою мечту об издании журнала: с 1992 года по настоящее время он редактор журнала «Москва», где печатаются произведения, авторы которых стремятся следовать традициям русской классики XIX и XX веков.

Начиная с 1990 года, который явился годом литературного дебюта Л. Бородина в отечественной словесности, творчество писателя находилось в поле зрения современной критики. Статьи о творчестве прозаика постоянно публиковались в центральных литературных журналах. О Л. Бородине заговорили такие писатели, учёные, критики, как А. Солженицын, А. Варламов, С. Куняев, И. Шафаревич, И. Штокман, П. Басинский, Л. Аннинский, В. Бондаренко, К. Кокшенева. Каждое новое произведение, появлявшееся в периодике, вызывало острый интерес критики и сопровождалось полемикой, появлением рецензий и концептуальных статей.

В книге «Православие и русская литература» М. Дунаев (1996-1998) преподносит содержание творчества Л. Бородина как «философско-религиозное осмысление истории, бытия вообще». И. Штокман, неоднократно обращавшийся к его творчеству, написал едва ли не первую монографию о прозаике: «Леонид Бородин - человек и судьба» (2000), в которой исследователь отмечает одну из главных тем в творчестве писателя – трагедию русского человека, заключающуюся в распаде национального духа.

Творчество Л. Бородина вызвало противоречивые оценки литературоведов: «крутой романтик» у Л. Аннинского, «рационалист и моралист», наделённый «политическим упрямством» у А. Агеева, «мастер социально-психологической прозы» у П. Басинского, «максималист,

моралист и патриот» у Ю. Кублановского, «неуёмный романтик» у В. Бондаренко. А. Варламов отмечает «рыцарскую стойкость и непоколебимость», С. Куняев подтверждает общее мнение о Л. Бородине как о романтике, но, вместе с тем, называет его и «беспощадным моралистом», способным к «жесткой постановке нравственно-этической доминанты». Определяя главные черты творчества Л. Бородина, В. Меньшиков указывает на «жизненность событий» и «правду характеров персонажей», а А. Немзер отмечает «внутреннюю свободу», обеспечивающую «ошеломительную жанровую и тематическую широту прозы».

В последние пятнадцать лет можно отметить заметное повышение научного интереса к творчеству Л. Бородина, что проявилось в появлении целого ряда диссертационных исследований: И. Казанцевой (1994), Т. Рябовой (1996), Н. Федченко (1999), Т. Васильевой (2007), Л. Нестеровой (2007). Исследователи и литературные критики рассматривали особенности поэтики и проблематики его прозы, указывая на духовно-нравственную и социальную направленность произведений писателя. Большое значение придавалось автобиографичности творчества Л. Бородина, преобладанию напряженности действия в сюжете, широкому использованию ретроспекций.

Исследователи сходятся во мнении о том, что в своем творчестве Л. Бородин отразил духовно-нравственные перемены в человеке, живущем в мире, богатом соблазнами. Критики и учёные указывают на большую значимость изображения именно характеров в творчестве Л. Бородина, при этом доминирующей является проблема национального характера.

Нам представляется, что можно выделить три основных научных направления в изучении проблемы национального характера: психологическое, философское и филологическое. В психологии наиболее актуальным для филологического дискурса является русская школа культурно-исторической антропологии, представленная именами Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, которые, рассматривая культуру, как важный компонент психики человека, внесли большой вклад в исследование национального. Закономерным итогом этого направления является книга К. Касьяновой «О русском национальном характере» (1994), в которой автор даёт своё видение национального характера: «Это "общество внутри нас", существующее в виде однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний, и есть наш национальный характер».

Неоценимый вклад в изучение проблемы внесли русская философия и богословие: монах Филофей, П. Чаадаев, А. Хомяков, И. Киреевский, Н. Данилевский, К. Леонтьев, В. Соловьёв, Ф. Достоевский, Н. Савицкий, Г. Флоровский, Н. Трубецкой, Л. Карсавин, И. Ильин, Г. Федотов, Н. Бердяев, Вяч. Иванов, Н. Лосский, современные философы и культурологи Д. Лихачёв, А. Панченко, Л. Гумилёв, А. Панарин, Г. Гачев.

В филологии изучение национального характера изначально велось по нескольким направлениям. В лингвистике начало было положено

А. Потебней, в фольклористике – А. Афанасьевым и Ф. Буслаевым, в литературной критике – В. Белинским.

Понятие «национальный характер» крайне спорно и сложно, и каждая наука, изучая эту проблему, вырабатывает свой понятийный аппарат и стремится дать своё определение. Нам представляется удачной формулировка, данная И. Юнусовым в докторской диссертации «Проблема национального характера в русской литературе второй половины XIX века (И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой)» (2002): «Под национальным характером понимается достаточно устойчивая, но подверженная изменениям целостная структура, сформированная в течение многовековой совместной жизни определённого этнического сообщества и выражающаяся как в цивилизационных предпочтениях, так и в культуре, в повседневном поведении человека. Детерминантами национального характера выступают религия, язык, история, политическое устройство, климатические условия жизни, психофизическая природа нации».

И русские философы XX века, и современные учёные-литературоведы пытаются выработать типологию национального характера. Мы считаем необходимым представить несколько разных типологий, важных для нашего исследования. Так, Г. Фёдоров выделяет в пределах коллективной личности народа два противоположных типа: эсхатологический тип христианина и московский тип, своеобразный результат многовековой истории, отнюдь не избыточной простотой и лёгкостью. И. Ильин придаёт большее значение в воздействии географического фактора на формирование национального характера, выделяя северный и южный типы. Современный учёный А. Панарин разграничивает московский и петербургский типы. В качестве образцов московского типа А. Панарин называет пушкинских Савельича, капитана Миронова, Машу Миронову, Татьяну Ларину, Максима Максимовича М. Лермонтова, являющихся «воплощением благородной простоты и надёжности» и характеризующихся традиционным типом действия. Противоположный вектор движения у петербургских «типажей»: «личностями на рубеже культур», к которым относятся и Чичиков, и Хлестаков, и другие персонажи произведений Н.В. Гоголя.

Несколько иную по терминологии, но близкую по существу типологию предлагает И. Снегирёва, исследователь творчества Н. Лескова, выделяя в лесковском творчестве тип праведника и тип нигилиста.

Для нашей работы наиболее продуктивной является типология национального характера, представленная в докторской диссертации А. Большаковой «Феномен деревенской прозы» (2002). Типологию, выявленную на основе «деревенской прозы», исследователь возводит к традициям литературы XIX века (И. Тургенев, Л. Толстой, Н. Лесков), в которой даются два основных типа характера: «традиционный» и «вольный человек». Традиционный тип – это тип праведника, мудрого человека, несущего свой крест без ропота, зачастую воплощён в старой крестьянке или крестьянине. Их отличает доброта, жизнелюбие, незлобивость, трудолюбие и бессребреничество. «Вольный» человек – это человек, выламывающийся из

привычной жизненной колеи, не вписывающийся в реальную жизнь. Это бунтарь, который не может жить в тех условиях, что ему предлагает жизнь, зачастую он имеет саморазрушающую черту характера, которая оказывает влияние на его мироощущение. Тип «вольного» человека восходит к «блудному сыну», а в литературе XIX века – «лишнему» человеку, и включает большое количество разновидностей.

Итак, типология национального характера предполагает выделение двух противоположных типов, в которых, конечно, невозможно уместить всю сложность и противоречивость русского человека, но всё-таки возможно отразить наиболее общие и значимые черты.

Актуальность диссертационной работы обусловлена необходимостью изучить проблему национального характера в прозе Л. Бородин, которая ещё не становилась предметом специального исследования. Между тем, именно проблема национального характера, которую Л. Бородин художественно исследовал на разном историческом материале, позволяет выявить представление автора о современном состоянии русского народа, о его исторической судьбе, о государственной идее в её провиденциальном и социальном проявлениях.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые выявлен образ «смятенного» человека как особый тип национального характера переломной эпохи в произведениях Л. Бородин 1980-ых - 2000-ых годов.

Объектом исследования является проза писателя 1980-1990 - ых годов и начала XXI века.

Предметом исследования стала проблема национального характера, интересующая писателя в наиболее сложные, переломные, «смутные» периоды российской истории.

Материалом исследования послужили наиболее репрезентативные произведения писателя: «Третья правда» (1979, 1990), «Царица смуты» (1996), «Бесиво» (2002). Все три произведения объединены проблемой «смутного времени» в истории Российского государства и проблемой «смятенного» человека как особого типа национального характера. Общим в них является не только изображение «смуты» как явления исторического, но и как явления духовного. Прозаика волнует духовно-нравственное состояние русского человека в различные исторические эпохи. «Третья правда» (1990) - раннее произведение писателя, в котором происходит формирование его мировоззрения и констант художественного мира. Эта «антисоветская» повесть о революции 1917 года впервые увидела свет за рубежом в 1979 году, но на родине писателя была опубликована десятилетие спустя, став одним из ключевых произведений, своеобразной визитной карточкой прозаика. Историческая повесть «Царица смуты» (1996), посвящённая «смуте» XVII века, – своеобразная реакция писателя на бурные 90-ые годы XX века. Работа над повестью началась во время второго заключения и была завершена много позже. Вышедшая в 2002 году повесть «Бесиво» являет собой новый этап творчества Л. Бородин. Писатель возвращается к проблематике «Третьей правды», но рассматривает её на материале

современности. В прозе Л. Бородина отчётливо просматривается эволюция национального характера на протяжении четверти века.

К исследованию привлекаются публикации, статьи, интервью, дневниковые записи Л. Бородина.

Цель настоящей работы – исследовать тип «смятенного» человека как проявление русского национального характера в кризисные периоды российской истории в прозе Л. Бородина.

Цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Изучить проблему национального характера в русской философии XIX – XX веков.
2. Исследовать тему смуты в творчестве писателя разных лет.
3. Выявить типологию национального характера и его деформацию в историческом и духовно-нравственном аспектах в прозе Л. Бородина.
4. Рассмотреть русский национальный характер как проблему современности в прозе писателя начала XXI века.

Методологию исследования определяют труды Н. Бердяева, А. Большаковой, Г. Гачева, Л. Гинзбург, М. Дунаева, И. Есаулова, И. Ильина, К. Касьяновой, В. Катарасова, В. Кожина, О. Лазаревой, Д. Лихачёва, Н. Лосского, Т. Никоновой, А. Панарина, Т. Рябовой, В. Скобелева, Г. Федотова, В. Хализева, И. Юнусова.

В диссертации применяются историко-литературный, системно-типологический, мотивный, интертекстуальный **методы исследования**.

Теоретическая значимость исследования. Результаты могут быть полезны при дальнейшем исследовании общетеоретических вопросов, связанных с проблемой национального характера.

Практическая значимость исследования. Материал диссертационной работы может быть использован в учебно-педагогической практике: в вузовском преподавании при проведении занятий по курсу истории литературы XX века и спецкурсов по творчеству Л. Бородина, а также в школьной практике.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В творчестве Л. Бородина «смута» характеризуется как отличительная особенность русской исторической и духовной жизни. «Смута» есть разрушение христианского основания как в государстве, так и в народе. Её результатами становятся деформация представлений о законах государства и правах личности, о добре и зле, правде и истине.
2. В творчестве писателя по традиции рассматривается мысль государственная в её соотношении с мыслью «народной», но конфликт государства и народа писатель переводит в проблему поиска человеком своей правды. Категория правды в связи с героем-правдоискателем становится доминантой в художественном мире Л. Бородина и раскрывается как «третья правда», понимаемая как право личности на внутреннюю независимость и духовный поиск.
3. Типология национального характера в прозе Л. Бородина строится на традиционном выделении двух полярных типов – «смирненного» человека и

«вольного» человека. Но писатель считает, что периоды «смут» рожают особый тип, характеризуемый им как «смятенный» человек, в котором полярные начала вступают в сложные взаимодействия, отсюда традиционные типы лишаются своей определённости. В этом смысле «смятенными» можно назвать всех героев писателя, представляющих национальный характер.

4. Влияние «смуты» на человека имеет в творчестве Л. Бородина два «вектора»: для одних героев преодоление «смятенности» связано с обращением к вере и Богу (Рябинин и отчасти Селиванов в «Третьей правде», Долгорукий в «Царице смуты», жена и сестра Андрея Рудакина в «Бесиве»). На других «смута» оказывает губительное воздействие, что приводит к разрушению не только национальных, но и личностных основ человека (Заруцкий, Тереня Ус в «Царице смуты», Андрей и Санька Рудакины в «Бесиве»).

5. Писатель стремится художественно осмыслить новый тип современности, получивший у него ироничное определение «полуновы-полурусский». В повести «Бесиве» ему отводится роль искусителя «старого русского», соотносимая с образами Мефистофеля («Фауст» И. Гёте), Петра Верховенского («Бесы» Ф. Достоевского), но в сниженно-профанном виде.

6. В прозе писателя наблюдается эволюция национального характера, «вектор» которой направлен в сторону деформации и деградации русского человека. Вместе с тем надежда на возрождение бытийных и духовных основ национальной жизни Л. Бородин связывает с возвращением в бытие государства и личности христианских нравственных ценностей.

Апробация исследования осуществлялась на Второй Всероссийской научной конференции «Русская литература и философия: постижение человека» г. Липецк (2003), Международной конференции «Мир идей и взаимодействие художественных языков в литературе нового времени» г. Воронеж (2003), Международной конференции «М.А. Шолохов в современном мире» г. Москва (2004), научной конференции «Война в русской литературе» г. Воронеж (2005), научно-практической конференции «Современные проблемы технического, естественнонаучного и гуманитарного знания» г. Губкин (2005), Международной научной конференции «Русский язык в современном мире» г. Воронеж (2007).

Структура диссертации включает введение, четыре главы, заключение и библиографический список, насчитывающий 259 наименований. Общий объём диссертации – 154 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются цели и задачи исследования, объект и предмет анализа, дано обоснование актуальности темы и её научной новизны, представлен обзор критической литературы, посвященный прозе Л.И. Бородина, приводятся сведения об апробации основных результатов.

Первая глава «Русская идея и проблема национального характера в отечественной философии XIX-XX веков» посвящена исследованию

отечественной философской мысли, повлиявшей на мировоззрение Л. Бородина. Особое внимание уделяется возникновению и развитию «русской идеи» и связанной с ней проблемы национального характера в работах философов XIX-XX веков: П. Чаадаева, И. Киреевского, А. Хомякова, К. Аксакова, Н. Данилевского, К. Леонтьева, В. Соловьёва, Ф. Достоевского, Н. Савицкого, Г. Флоровского, Н. Трубецкого, Л. Карсавина, И. Ильина, Г. Федотова, Н. Бердяева, Вяч. Иванова, Н. Лосского, современных философов и культурологов Д. Лихачёва, А. Панченко, Л. Гумилёва, А. Панарина, Г. Гачева, европейских философов Ж. Нива, А. Жакелен.

Первые попытки осмыслить национальную самобытность России и русского народа были предприняты на основании противопоставления России и Европы (П. Чаадаев, славянофилы). Ещё П. Чаадаев выделяет три основных фактора, определяющие национальную самобытность: географический, исторический и религиозный. Вся последующая русская философская мысль восприняла и развила эту идею.

Безусловно, все эти три фактора активно и сложно взаимодействуют в представлениях русских философов XIX-XX веков, и, тем не менее, в трудах разных учёных один из факторов становится доминирующим. Однако преимущественно религиозный характер русской философской мысли определил собой тот факт, что проблема национального характера в трудах русских философов и учёных осознаётся прежде всего как проблема духовно-религиозная.

Религиозный фактор преобладает в трудах славянофилов: А. Хомякова, И. Киреевского, К. Аксакова. Философы указывают на связующий элемент России и Запада – христианство, но делают акцент на различиях римской и восточной церкви. Рационализм католичества является привлекательным, но рациональность, с точки зрения славянофилов, – это зарождение эгоизма и «нравственной апатии». Индивидуальная независимость западного человека порождает трепетное отношение к личности и почти святое отношение к закону, частной собственности. Философы считают главным воспитание русского народа на основе православных ценностей, и, хотя это является длительным процессом, результат этого воспитания отразится и в мощном государстве, и в чистоте православия, и, при условии следования русским традициям, в восприятии опыта Запада. Единство веры и церковной жизни играет основополагающую роль в сохранении государства. Славянофилы указывали на «избранничество» России и русского народа в духовно-нравственном аспекте.

Н. Данилевский считал географический и исторический факторы основополагающими в формировании национальной самобытности, что привело во второй половине XIX века к созданию теории культурно-исторических типов. Это явилось новой вехой на пути постижения исторической судьбы народа. Автор этой теории выдвигает идею о главенствующем влиянии не христианства, а природно-климатических условий, которые и оказали воздействие на формирование характера народа.

У Вл. Соловьёва к религиозному фактору добавляется фактор исторический. Он акцентирует внимание на исторической миссии России примирить Восток и Запад. Философ выдвигает идею преображения русской жизни через христианство, понимая христианство как единение всех христианских церквей. Русская идея, по мнению Вл. Соловьёва, реализуется на основе истинного христианства, то есть государственная власть исходит из принципов Вселенской церкви при соблюдении общественной свободы.

На главенствующую роль религиозного фактора указывал Н. Бердяев и видел религиозное призвание России в том, чтобы быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия. В качестве негативных последствий «огосударствления» русской идеи мыслитель называет национализацию православной церкви, придание царю статуса наместника Бога на земле и, как следствие, впадение в «империалистический соблазн».

В появившемся в 1920-ые годы «евразийстве» большую роль играют такие факторы, оказавшие влияние на формирование национального характера, как географический и исторический. Н.П. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Л.П. Карсавин выступили с идеей особого места России и русского народа в истории. Выдвигая идею России как Евразии, то есть образования, располагающегося между двумя различными мирами, евразийцы считали, что именно «азиатская составляющая» привнесла в русский характер вольную «степную стихию».

А. Панарин придаёт большое значение историческому фактору. Учёный говорит о направлении движения российского государства и русского народа. В результате неудач экономических реформ конца XX века поиски путей развития привели Россию, как и в 20-ые годы XX века, снова на Восток. Возникает новое восприятие некогда могучей державы как страны «третьего мира». Но более близкими для русского человека видятся учёному пути, отождествляемые с восточно-христианским Востоком.

Итак, русская самобытность обусловлена тремя факторами: географическим, историческим и религиозным в их сложном взаимодействии и взаимовлиянии, что и сформировало полярные качества русского человека.

Какой бы фактор ни ставился учёными во главу угла, русские философы пришли к выводу, что доминирующими свойствами национального характера являются, с одной стороны, могучая сила воли, справедливость, религиозность, способность к самоограничению, терпение, сострадательность, доброта, с другой стороны, – страстность, стремление к свободе, воле, анархизм, бунтарство.

Вторая глава «"Смятенный" человек в поисках правды (повесть Л.И. Бородин "Третья правда")» связана с рассмотрением традиционного для русского человека правдоискательства.

Конфликт «правды-истины» и «правды-справедливости» (по терминологии Н. Бердяева) Л. Бородин рассматривает в философско-нравственном аспекте. Категория правды в связи с героем-правдоискателем становится доминантой в художественном мире Л. Бородин и раскрывается

как «третья правда». «Правда-истина» в христианском понимании как система духовно-нравственных констант в «смутные» времена перестает быть действенной и подменяется «правдой-справедливостью», понимаемой по-своему каждым отдельным человеком или социальной группой. «Третья правда» на уровне героя понимается как право личности на внутреннюю независимость, а также как духовный поиск.

В центре сюжета повести Л. Бородин «Третья правда» судьбы двух героев, события повести происходят на фоне революционного слома традиционных отношений внутри общества. Сюжет повести представлен двумя временными планами: действие более позднего времени прерывается ретроспективным показом событий, относящихся к 1917-30 годам, что позволяет увидеть изменение мировоззрения героев повести на протяжении их жизни. Два временных плана произведения дают автору возможность провести героев повести сквозь исторические события, проверить на истинность постулаты их «правд».

Два героя представляют собой воплощение национального характера в двух его проявлениях: «смиранный» человек (Иван Рябинин) и «вольный» человек (Андреан Селиванов). Это истинно русские люди с противоположными ценностными ориентирами, каждый из героев ищет свою правду. «Смута» гражданской войны разделила правду на «красную» и «белую». Селиванов, неудовлетворённый существующими правдами, придумывает свою правду – «третью», которая призвана оправдывать все его несправедливые поступки в жизни. Но селивановская правда – жить по своей воле – позволяет совершать преступления против других людей, пусть врагов, но людей. Селиванов вынужден привирать, притворяться, что позволяет таёжному охотнику сохранить жизнь, но душа его ввергается в смятение. Лишь тяжёлые жизненные испытания заставили Селиванова задуматься над тем, что есть иная, Божья правда: «Не человеческого ума дело – судить эту жизнь, потому что она сотворена не руками человеческими!»

Другой герой – егерь Иван Рябинин, представляющий «смиранный» тип – не принимает «третьей правды» Селиванова, но не становится и последователем двух других правд. Его позиция – жить «по совести» – проверена временем, но тоже оказывается неприемлемой в условиях существования двух «правд», так как категория «совесть» прежде всего связана с нравственными ценностями, основанными на христианстве. Но христианские добродетели оказались не совместимы с идеологией нового государства. Судьба «смиранный» человека Ивана Рябинина складывается трагически: четверть века он провёл в заключении, потерял жену и детей, не смог принять агрессивного вторжения человека в жизнь тайги, потеряв тем самым смысл жизни и саму жизнь. Однако Рябинин сохранил от распада свою душу, найдя утешение в вере, Боге.

Именно в этой повести появляется понятие, данное автором – «смятенный» человек, причем смятенность оказывает влияние как на «вольный» человека, так и на традиционный тип «смиранный» человека.

Современные критики (Л. Аннинский, П. Басинский, В. Бондаренко, А. Варламов, В. Верин, Е. Клименко, Т. Марченко, О. Тимошенко, И. Штокман) в рецензиях на повесть «Третья правда» высказали целый спектр мнений о том, что такое «третья правда». Нам близка точка зрения самого Л. Бородин: «По большому-то счету правда одна... Тут, скорее, важны поиски правды, неуверенность в правде государственной, попытка отойти от неё». Прозаик показывает, что «путь народа – это следование истине, которую принёс на Русь Христос и которая противостоит множеству человеческих "правд"» (Н. Федченко).

Третья глава «Человек "смутного" времени в повести Л. Бородин «Царица смуты»». В повести «Царица смуты» Л. Бородин обращается к истокам «смуты» как явления в исторической и духовной жизни российского государства. В повести рассматривается эпоха кризиса государственности и её воздействие на все стороны жизни. Именно в этом произведении «смута» определяется как доминанта творчества писателя.

По мнению Л. Бородин, «смутное» время – это «итог кризиса веры», который начался с кризиса в православии и, как следствие, сказался на уровне государства и человека. Стремление добиться личной выгоды, разединение сословий, участие казачьей вольницы в событиях «смутного времени» – всё это расшатало государственные устои настолько, что встал вопрос о существовании собственно российского государства.

Героиней своей повести Л. Бородин делает Марину Мнишек, жену самозванца Лжедмитрия. Её глазами он смотрит на русских людей в «смуте», даёт оценку русских событий с позиций западного человека.

«Смута» как уникальное явление русской исторической жизни и его следствие – самозванство – вызвало большой интерес у историков, драматургов, писателей (А.С. Пушкин, Ф.В. Булгарин, А.С. Хомяков, А.А. Шишков, А.К. Толстой). Гораздо меньше внимания уделено в литературе женщинам периода «смуты»: в наше время совершенно забыты «Марина Мнишек» А.Д. Львовой, «Царь Дмитрий Самозванец и царевна Ксения» А.С. Суворина, «Ксения и Лжедмитрий» Н.Л. Пушкирева, трилогия о «смутном» времени А.Н. Островского: «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» (1861), «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866) и «Тушино» (1866). Во всех произведениях Марина Мнишек показана как холодная, расчетливая, хитрая женщина.

Л. Бородин в своём произведении не отрицает общепризнанных исторических фактов и сложившейся литературной традиции, но Марина Мнишек у него, прежде всего, жертва: «несчастливая женщина, соблазненная царством и обманутая людьми».

Марина Мнишек показана как человек западного мышления: она подыскивает подходящую рациональную основу, выстраивая вполне логичное оправдание своим поступкам. Гордыня и страсть к власти становятся главной ловушкой, в которую попадают герои многих произведений Л. Бородин, в том числе и Марина Мнишек. Ведь свою мысль о царстве она не оставляет до конца, стараясь приспособиться, обойти все

препоны и препятствия и достичь своего любым путем. Драма Марины заключается и в том, что она считает себя московской царицей, но в душе не может понять «русинов», их образа мыслей и поведения. Не зная людей той страны, куда ее забросила судьба, Марина не может осознать всей тяжести ситуации, той смутенности в умах и сердцах русских, которые то устремляются в сторону польскую в поисках настоящего царя, то в сторону самозванцев и самозванных царей, избранных толпой московской черни, то к законно избранному московскому царю Михаилу.

Едва ли не самой значимой для писателя причиной гибели его героини становится та духовная миссия, которую, как он считает, возложили на Марину Мнишек европейские политики и католические прелаты – склонить Москву к Риму, изменить традиционную для России православную веру. Вместе с тем писатель стремится как бы оправдать свою героиню, запутавшуюся в «смутном» времени среди своих и чужих страстей, ведь женская судьба всегда оценивается Л. Бородиным по иным критериям.

В повести «Царица смуты» Л. Бородин продолжает художественное исследование национальной типологии.

Особенностью повести является введение в повествование героя, которому придан статус наблюдателя за событиями и проводника авторских идей. Это любимый герой писателя, представленный в повестях «Женщина в море» и «Ловушка для Адама», – тип размышляющего человека, интеллигента, как бы случайно вовлеченного в события. Таким героем в повести стал боярин Андрей Петрович Олуфьев. Преданность, верность и честь – вот качества, характерные для боярина и выделяющие его среди других сподвижников московской царицы. Но они же являются причиной его драматичной судьбы. Боярин Олуфьев всегда с Мариной, но одновременно и «сам по себе». Мятущийся человек без особых целей в жизни – таков боярин Олуфьев. В его образе Л. Бородин стремится соотнести меру вины обстоятельств и личности в «смутные» периоды российской истории.

Своеобразным антагонистом Олуфьева является другой сквозной образ повести – образ атамана Заруцкого, в котором отражен тип «вольного» человека. Его мечта – это казачье государство, целью которого должно стать завоевание народов, способных платить дань. Заруцкий также представляет в произведении мысль «государственную», но во главе государства он видит казачество – социальный слой, еще не оформивший свои государственные и нравственные идеалы. Чем дальше в «смуту» ввергается казачество, тем менее человеческий облик имеют Иван Заруцкий и его соратники. Своеобразный «итог» развития типа «вольного» человека в сторону его деградации – Тереня Ус, обладающий уже весьма сомнительными «достоинствами»: криклив, хитёр, жесток, способен на предательство.

«Смиранный» тип национального характера представлен в образе Никиты Долгорукого. Незаконнорожденный, но носящий фамилию своего отца-князя, он в гуще «смуты». Никита Долгорукий представлен автором как человек, способный на осмысление своих грехов и покаяние. При встрече с

Мариной в Астрахани он, ставший монахом, кается за себя и за всех людей, кто уверил Марину в обоснованности ее притязаний на московский престол.

Образ, подобный образу Никиты Долгорукого, типичен для прозы Л. Бородина. Никита Долгорукий, как и герой в повести «Третья правда» Иван Рябинин, проходит путь от сопричастности нечестному делу до осознания своего греха, осмысления своей судьбы. Долгорукий и Рябинин повинны в службе преступной власти, причастны к общему заблуждению, но они способны к покаянию.

Автор повести заостряет мысль о том, что в «смуте» нелегко найти праведного человека. Даже тот, кого можно назвать человеком чести, с легкостью попадает в ловушку гордыни, впадает в соблазн. В душе каждого происходит борьба между силами добра и зла. Каждый проходит свой путь испытаний.

Именно в повести «Царица смуты» Л. Бородин наиболее чётко и определённо прочертил два «вектора» в преодолении «смятенности» в душе русского человека: для одних героев преодоление «смятенности» связано с обращением к вере и Богу (Н. Долгорукий). Другие, вовлечённые в водоворот «смуты», подвергаются «разрушению» (Заруцкий, Тереня Ус). Очень важно, что в этой повести остаются два героя, для которых «смятенность» оказалась по разным причинам непреодоленной (А. Олуфьев, Марина Мнишек).

Не случайно появление повести «Царица смуты» (1996) в сложные для России годы, когда реально существовала опасность распада государства. Сопоставляя пласты истории, писатель актуализирует события 80-90 годов XX века на фоне исторических событий XVII века, и поэтому в произведении по-особому звучит мысль государственная.

Л. Бородин является сторонником просвещенного консерватизма, считая православие и твёрдую государственность теми идеями, на которых должно основываться движение за единение нации: «У меня нет сомнений в том, что без возрождения православия не произойдет национальная консолидация. Потому что православие – это та почва, на которой создавалось, развивалось и продолжало существовать Российское государство».

Четвертая глава «Русский национальный характер как проблема современности (повесть Л.И. Бородина "Бесиво")».

В повести «Бесиво», появившейся в 2002 году в журнале «Москва», Л. Бородин показал своеобразный результат исхода эпохи коммунизма, социально-нравственные следствия разрушения традиционных ценностей. В повести «Бесиво» писатель изобразил в судьбах своих героев «деградацию личности» русского крестьянина.

В повести предстаёт ещё одно «смутное» время, которое сам автор характеризует как «запредельные времена». Повесть с полным основанием можно назвать произведением, которое в 1960-70-ые годы отнесли бы к «деревенской прозе», причем сам автор-повествователь сознательно связывает своё повествование с этой традицией.

Повесть «Бесиво» состоит из пяти частей. Как и в других произведениях («Вариант», «Гологор»), и это характерно для Л. Бородин, текст организован по смысловым фрагментам – главам, каждая из которых имеет название. Пролог дан в форме несобственно-прямой речи, принадлежащей повествовательнице – некой Валентине Андреевне, соседке героев повести – не имеющей ярко выраженных речевых особенностей и не играющей заметной роли в последующем повествовании. Однако такое начало необходимо писателю, чтобы показать, что история братьев Рудакиных из вымирающей деревни Шипулино стала почти народным преданием. Тем более, что в дальнейшем возникнут еще две версии истории братьев: версия автора-повествователя, дающая сугубо литературный вариант этой истории, и версия Сергея Ивановича Черпакова, одного из центральных героев повести, охарактеризованного в повести как «полуновыи-полурусский».

Текст насыщен большим количеством литературных реминисценций, возникающих как в речи автора-повествователя, так и в диалогах персонажей. Автор-повествователь и другие персонажи осознают значимость русской классики, но вместе с тем констатируют, что в новые «запредельные времена» даже «вечные истины», провозглашённые религией и культурой, становятся «общим местом», воспринимаются как штамп. Отсюда встаёт вопрос: применимы ли они к реалиям и людям современного мира? Именно благодаря такой позиции автора-повествователя история братьев Рудакиных рассмотрена в широком контексте русской и мировой классики. В тексте упомянуты имена философов, писателей и поэтов, их произведения, отдельные герои: А. Пушкин, А. Радищев, И. Кант, Ф. Тютчев, А. Блок, А. Есенин, В. Белов, В. Распутин, П. Флоренский, персонаж Ф. Достоевского – Фома Опискин (но в слегка изменённой форме – Фома Описькин), «обыкновенная история», Мефистофель, Шерлок Холмс, «пинкертончики», «держиморда», герои киноискусства – принц Флоризель, Чебурашка, пластилиновые мульташки, а также упомянуты такие понятия, как художник-передвижник, примитивист, шекспириана, пассионарий. Писателем обыгрывается приём «говорящих фамилий»: Черпаков, Простаков (псевдоним художника-примитивиста), возникает аллюзия с героем пьесы Д. Фонвизина «Недоросль» Митрофанушкой. Всё это служит подтверждением суждения современной критики о том, что «реальность заражена литературой». Как и другие современные писатели реалистической и модернистской направленности, Л. Бородин пытается соотнести жизненную и культурную реальности, осознать, как и В. Маканин в романе «Андеграунд или Герой нашего времени», прошло ли время литературы. Автор-повествователь обыгрывает литературоведческие термины в названиях глав: «Пост модерниста», «Взрыв жизни». В названии глав писатель использует либо прямо, либо аллюзивно названия произведений предшествующей литературы: «"Олигарх" и другие» («Егор Булычёв и другие» М. Горького), «Жизнь» (название знаменитого романа Г. де

Мопассана), в названии пятой главы – цитата из песни «А поезд чух-чух-чух ...».

Основной текст написан от лица автора-повествователя, являющегося современным писателем, городским образованным человеком, приехавшим в деревню по рыбацким делам и заинтересовавшимся этим народным преданием о семье Рудакиных. Размышления автора-повествователя характеризуют его как человека с активной жизненной позицией, с болью наблюдающего сложные события очередного «смутного» времени России. Отсюда его художественно реализованная в сюжете, а порой и открыто представленная в повести позиция. Л. Бородин считает, что «смута» затрагивает и явления художественного творчества, и статус писателя, пытающегося определить свою позицию: наблюдатель? наблюдатель-соглядатай? активный участник событий?

История крестьянства рассматривается на примере семьи Рудакиных, живущей в деревне Шипулино недалеко от Москвы, в промежутках времени с 1945 года по сегодняшний день. Особенностью сюжета и композиции повести является ретроспективный принцип. История Андрея и Саньки Рудакиных дана в ретроспективной последовательности как взгляд из настоящего в прошлое. Вначале автор-повествователь встречает некоего Андрюху, порученца Черпакова – в повести используется уничижительное имя «Андрюха» – затем идёт непосредственно история братьев, и лишь в конце он узнаёт о равнозначности «Андрюхи» Андрею Рудакину, о которой он и не предполагал: «Я не устыдился. Я был потрясён».

Драматичны судьбы сыновей Михаила Рудакина – Андрея и Александра, представляющих собой два варианта национального характера, несущие в себе черты «смирненного» и «вольного» типов, но в этой повести героев можно соотнести с тургеневскими Хорем и Калинычем.

С тургеневским Хорем Андрея Рудакина, старшего брата, сближает хозяйственность, любовь к земле, практичность, рациональность. Однако, если Хорь отличался самостоятельностью и уверенностью в себе, то Андрею Рудакину, крестьянину другой исторической эпохи, необходим советчик. Если у Хоря все дети как один крепки и трудолюбивы, занимаются тем же крестьянским делом, что и отец, то современному крестьянину из деревни Шипулино не удалось вовлечь в семейное дело ни сына, ни дочь, что его совсем не огорчает: «Да им (детям. – В.Д.) нынче одно спасенье – юлой крутиться, и подальше от нас, у нас же тут сплошь гниль одна...». Это лишает его укоренённости и уверенности в правильности своего крестьянского дела, а в конечном итоге смысла самой жизни, что и превращает его в «Андрюху».

Андрей Рудакин – крестьянин, превратившийся в фермера, но с неподведённой под это изменение социальной и нравственной основой. В отличие от И. Рябинина («Третья правда»), А. Рудакин уже не соотносит свои действия с существованием традиций, с необходимостью жить «по совести», так как деревня и люди начала XX века весьма отличны от деревни и людей начала XXI века. И у Рябинина, и у Рудакина есть семья, но если у егеря

Рябинина семья – это самое светлое в его жизни, то Рудакин свою семью рассматривает только с точки зрения практической пользы. А поэтому Андрей одинок, его мысли никто не разделяет, вокруг него – пустота, незаполненная осознанным трудом, имеющим всеобщую пользу.

Рудакина-младшего – веселого гуляку и жизнелюба – также мучит отсутствие смысла в жизни. Он представляет собой тот тип людей с широкой натурой, с которой им самим трудно справиться. Саня Рудакин вызывает жалость своей непутевой жизнью у односельчан. Любовь к музыке, умение играть мастерски на аккордеоне, взять за душу своей искренностью в исполнении песен, перевешивает все отрицательное, что есть у него: «Талант Санькин народом признан как нужный и полезный». Это сближает его с тургеневским Калинычем, игра на балалайке и грустная песня которого, способна «растопить» даже несентиментального Хоря. Но Рудакин-младший не знает нормы в веселье, не признаёт меры ни в чем. Жизнь у Рудакина-младшего – это жизнь-праздник, жизнь-карнавал, где он активный участник, герой зрелища. Каждый раз развязка этого праздника предвещает скандальный конец, однако Саньку Рудакина это никогда не останавливало. В.К. Кантор в работе «Карнавал и бесовщина», посвященной роману Ф.М. Достоевского «Бесы», пишет: «"Бесы", среди прочего, показывают *опасность* (курсив В.К. Кантор. – В.Д.) карнавала, превратившегося в норму жизни. Ибо это та жизнь, которая становится питательной средой для бесовства. Там, где личности подменяют человеческое лицо, нет места ни закону, ни нравственности, ни справедливости». Тоска по неудавшейся жизни точит мечтателя, выражаясь в музыке. В итоге – тюрьма и случайная гибель от руки старшего брата.

Братьям Рудакиным автор даёт несколько «проверок» в сюжете повести: деньгами, отношением к семье, новыми идеями, декларируемыми Черпаковым. Взяв чужие деньги, да ещё принадлежащие убитым, братья мучаются сомнениями, но не видят в погибших людей: «Только не по-людски... Людей хоронить положено, родственники, поди, есть... – Да какие люди! Рвань это! Бандиты». Братья, сами того до конца не осознавая, тоже становятся «бандитами», то есть крестьяне отступают от традиционного, присущего только им образа мысли и поведения.

Как И. Бунин в повести «Деревня», так и Л. Бородин проверяет своих героев отношением к близким и родным людям. Вначале Андрей прощал брату многие его проступки, понимая, что переделать его уже невозможно: «Поняв это, Андрюха принял брата как он есть, тогда ж и все душевные придирки, что в душе скапливались, растаяли, и в душе освободилось место для других чувств». Андрей Рудакин признавал наличие дара у младшего брата, способность выражать песней, музыкой все человеческое, что есть в душе у каждого. В этом Саня Рудакин был предельно честен и искренен, чем снискал уважение со стороны людей. Но после второй «отсидки» Саньки старший брат увидел в нём опустившегося, никчемного человека: «Развалина морщинистая и только. В районе на рынке таких касаться брезговал. Копейки не подавал, потому что и жить таким незачем». Теперь для Андрея Рудакина

его брат попадает в категорию «людишек», которые есть, но от которых проку нет, то есть родственное, душевное вытесняется в нём «деловым».

Ещё одна проверка братьев – это проверка новыми идеями, носителем которых является Черпаков. Особенно значимыми они являются для Андрея Рудакина. В силу духовной неразвитости Рудакин-старший существует на бытовом уровне, а душевную потребность, желание обрести понимание новых условий жизни он удовлетворяет в беседах с Черпаковым – носителем приземленного меркантилизма и цинизма.

Наряду с традиционными народными типами Л. Бородин пытается осознать новый тип личности, появившийся в 1990-е годы и получивший уже вполне устоявшееся определение – «новый русский». Писатель стремится художественно осмыслить этот тип современности, который у него приобрёл ироничное название «полуновый-полурусский», и воплотился в образе «районного олигарха» Черпакова. В повести «Бесиво» ему отводится роль искусителя «старого русского», соотносимая с образами Мефистофеля («Фауст» И. Гёте), Петра Верховенского («Бесы» Ф. Достоевского), но в сниженно-профанном виде. При этом писателю интересно выявить причины появления таких людей, живших и воспитывавшихся в той же социальной среде, что и русские «старые».

На страницах повести Черпаков появляется как бы ниоткуда, внезапно возникая в редакции газеты, как только о нём заговорили, причем появление Черпакова предвращается раскатами грома внезапно налетевшей грозы. Так писатель придаёт ему некоторые инфернальные черты. Роль Черпакова в повести соотносима с ролью беса, тем более, что в повести Черпаков постоянно сюжетно задействован «в паре» с одним из главных героев – Андреем Рудакиным, для которого он становится злым гением.

Как и Мефистофель, Черпаков много рассуждает, выстраивая своеобразную философию «злости дней», соотнося свою, новую «философию» и с традиционной народной нравственностью, и с коммунистической моралью, и с постулатами русской классики. Черпаков является как бы третьим повествователем в повести, выразителем идеологии нового социального типа. Вместе с тем писатель вкладывает в его уста и свои самые скептические и наиболее резкие суждения о современном состоянии русского крестьянства.

Автор-повествователь», однако, даёт Черпакову определение – «полуновый-полурусский»: половинчатость его качеств не даёт представления о целостном, целом человеке-личности. К тому же направление развития его личности предполагает обязательно отрицательный результат.

Таким образом, повесть «Бесиво» явилась завершающим произведением, в котором писатель выводит тему «смуты» в современность и подводит некоторые итоги художественного исследования русского национального характера. Леонид Бородин пытается осознать меру влияния трагических событий истории на национальный характер и онтологический трагизм национальной жизни, сформировавший национальный характер.

«Смятенность» как определяющая черта национального характера «смутных» периодов российской истории в повести «Бесиво» обладает наиболее разрушительными последствиями для духовно-нравственного состояния человека. В этом произведении заметно усиливается осознанная автором роль inferнального начала в русской исторической жизни и судьбы человека, что заявлено в названии повести. «Вся страна точно каким бесивом обожралась, и всяк на свой манер свихнулся, а пороть некому», – констатирует Андрей, выражая тем самым авторскую точку зрения. Глубинными причинами этих негативных явлений Л. Бородин считает вытеснение религии из духовной жизни и повседневного бытия русского человека: «Русский человек не может существовать вне Православия – деревня это засвидетельствовала явно: порушенность веры повлекла за собою весьма скорое (по историческим меркам) оскудение всей народной жизни».

Однако в этой повести есть герои, которые как Рябинин («Третья правда»), Никита Долгорукий («Царица смуты») возвращаются к основам духовно-религиозной жизни: жена Рудакина и его сестра после семейной трагедии уходят из мирской жизни в монастырь. Такое преодоление духовного тупика возможно лишь для немногих, но оно символизирует необходимость для русского народа возвратиться к тем духовно-нравственным основам, на которых веками зиждлась русская жизнь и формировался национальный характер.

В **Заключении** подводятся итоги проделанной работы, формулируются основные выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях**:

1. Дружинина В.И. Проблема национального характера в прозе Л. Бородина (философский аспект) / В.И. Дружинина // Русская литература и философия: постижение человека : Сб. науч. тр. Второй Всероссийской науч. конф. – Липецк : Изд-во Липецкого гос. пед. ун-та, 2003. Ч.2. – С.167-173.
2. Дружинина В.И. Tertium non datur (По повести Л. Бородина «Третья правда») / В.И. Дружинина // Язык, коммуникация и социальная среда : Межвузов. сб. науч. тр. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – Вып. 3. – С.72-81.
3. Дружинина В.И. Путь к правде героев М. Шолохова в романе «Тихий Дон» и повести Л. Бородина «Третья правда» / В.И. Дружинина // Международ. конф. «М.А. Шолохов в современном мире» : Сб. науч. тр. - Москва.- 2004. – С.27-31.
4. Дружинина В.И. Встреча времен в рассказах Л. Бородина / О.А. Бердникова, В.И. Дружинина // Тема войны в литературе XX века : межвуз. сб. науч. тр., посвященный 60-летию Победы в Великой отечественной войне 1941-1945 гг. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – С.153-162.

5. Дружинина В.И. «Философические письма» П.Я. Чаадаева как точка отсчета в споре «западников» и «славянофилов» о русском характере и русской идее / В.И. Дружинина // Современные проблемы технических, естественно-научных и гуманитарных знаний : сб. науч. тр. – Старый Оскол : ООО «ТНТ», 2005. – С.203-206.
6. Дружинина В.И. Проблема человека и государства в повести Л. Бородин «Царица смуты» / В.И. Дружинина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. - № 1. – С.133-137.
7. Дружинина В.И. Правда-справедливость и правда-истина в прозе Леонида Бородин / В.И. Дружинина // Русский язык в современном мире : Сб. науч. тр. междунаро. научн. конф. – Воронеж : 2007. Ч.2. – С.158-161.
8. Дружинина В.И. «Человек смуты» в повести Л. Бородин «Царица смуты» / В.И. Дружинина // Вестник Воронежского государственного университета. Филология и журналистика. – 2007. - № 2. – С. 33-40.

Работы № 6 и № 8 опубликованы в изданиях, входящих в реестр ВАК Минобрнауки РФ.

Подписано в печать 23.03.09. Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 1,2.
Тираж 100 экз. Заказ 464

Отпечатано с готового оригинала-макета
в типографии Издательско-полиграфического центра
Воронежского государственного университета.
394000, Воронеж, ул. Пушкинская, 3.